

Как-то раз ангел и демон
прижали ладони к сердцам друг друга —
и настал конец света.

...И ЗАЕСТЬ МОРОЖЕНЫМ

Нервы натянуты до предела, кровь стучит в висках, сердце колотится как сумасшедшее, спрятаться, убежать, спастись, страшно, страшно, страшно...

— Элиза! Элиза!!!

Голос, яркий свет. Она просыпается. Рывком: словно летела вниз и обрушилась на землю.

Слышит собственный голос:

— Сон приснился страшный. Я уже в норме.

Сколько раз ей уже приходилось это повторять? Бес-счетно. Хотя впервые — не себе самой, а мужчине, кото-рый героически ворвался в комнату с гвоздодером в руке, намереваясь отбивать ее у убийцы.

— Ты... ты так кричала.

Габриэль, сосед, обошел комнату, заглянул во все углы и не обнаружил ни следа преступника. Растрепанный, на-пуганный, едва проснувшийся, он в полной боевой готов-ности судорожно сжимал гвоздодер.

— Я хочу сказать... по-настоящему кричала.

Элиза откашлялась. В горле саднило.

— Знаю. Со мной бывает.

Она села в кровати. Сердце по-прежнему неистово ко-лотилось — как канонада. Ее трясло, дыхание все не вы-равнивалось, во рту было сухо, и все же она постаралась сказать как можно небрежнее:

— Спасибо, что разбудил.

Габриэль моргнул и опустил молоток.

— Да нет, Элиза, правда. Я в жизни не слышал, чтобы так кричали. Как в ужасниках.

Его голос немного дрожал. Иди уже, хотела сказать Элиза. Уматывай. Ну пожалуйста. У нее затряслись еще и руки. Минуты через две это станет заметно, а свидетели ей не нужны. Адреналиновый откат, ничего хорошего.

— Все уже в порядке, честно. Просто...

Черт!

Заколотило. Подскочило давление, в глаза словно песок насыпали, скоро она совсем раскиснет.

Черт, черт, черт...

Элиза свернулась калачиком, спрятала лицо в покрывале, пытаясь задавить рвущиеся наружу рыдания. Как ни терзали ее кошмары, выход из них терзал еще больше, ведь сознание вернулось, и она острее ощущала собственную беспомощность. Уже не ужас из сновидений, нечто иное. Оно всякий раз приходило вместе с кошмарами и долго не отпускало — как приливная волна. Как труп морского чудовища, этой волной вынесенный на берег и оставленный там гнить. На берег ее разума. Мука и стыд. Господи, какие неточные слова! Кошмар отступал, а ощущение оставалось с ней и терзало: паника, страх и как кровотокащая, гнойная, рваная рана — чувство вины.

Господи боже мой, не объяснить словами, не выдержать... Огромно... непереносимо... Ничего хуже просто не могло быть! Оно заполняло собой все: время, пространство. Гигантское, невысказанное чувство вины. Невозможное. Невозможное?

Она не делала, она никогда в жизни не сделала бы... *этого*.

Однако когда кошмар добирался до нее, ничто уже не имело значения: ни доводы рассудка или чувства, ни даже физические законы. Страх и вина глушили все.

Как лавина.

Справившись с рыданиями и подняв голову, Элиза обнаружила, что Габриэль сидит на краешке ее кровати и смотрит сочувственно и тревожно. Было Габриэлю Эдингеру свойственно это такое ненавязчивое дружелюбие, не вполне

современное. В будущем он имел более чем неплохие шансы обзавестись галстуком-бабочкой. И, возможно, даже моноклем. Он специализировался в области нейробиологии и был едва ли не самым умным из всех ее знакомых, очень симпатичным. Они оба занимались исследованиями в Смитсоновском музее естествознания — СМЕ — и просто приятельствовали до тех пор, пока в прошлом году девушка Габриэля не уехала писать диссертацию в Нью-Йорк и ему в квартиру не понадобился сосед. Элиза понимала, что рискованно проводить столько времени бок о бок не только на работе, но и дома. Рискованно именно по *этой* причине. По *этой*.

Крики. Рыдания.

Бездна — и жалкие дощечки сверху, на которых балансирует вменяемая часть ее сознания. Заинтересованный наблюдатель быстро поймет, на каких огрызках здравого рассудка она пытается выстроить свою жизнь. Эти усилия иногда напоминали ей попытки соорудить настил на зыбучем песке. Впрочем, кошмаров не случалось уже довольно давно, и Элиза поддалась искушению пожить нормальной жизнью: обычная аспирантка двадцати четырех лет от роду, без особых денег — и без особых секретов. Диссертация, проблемы с лаборантами, получение грантов, съемное жилье.

Чудовища.

— Прости за переполох. Уже прошло.

Габриэль кивнул:

— Отлично.

Неловкая пауза. Его улыбка:

— Тогда... чашечку чая?

Чай. Как у обычных людей.

— Да. Спасибо.

Пока Габриэль возился в кухне, Элиза привела себя в порядок. Натянула халат, ополоснула лицо, высморкалась, подошла к зеркалу. Опухшее от слез лицо, красное и зареванное. Ей часто делали комплименты, что-то там о прекрасных глазах. Большие, выразительные, с длинными ресницами. Угу. Особенно сейчас, когда от слез полопались сосуды. Она подправила косметикой то, что подда-

валось правке. Глаза снова заблестели, но теперь в их сиянии было что-то слегка... безумное.

— Ты не рехнулась, — сказала Элиза отражению в зеркале. Привычная мантра. Необходимая. — Не рехнулась и не рехнешься.

А все отчаянные мысли... Загоним их подальше.

Со мной такого не случится. Я сильнее, чем остальные.

Обычно ей удавалось в это поверить.

Когда Элиза вышла на кухню, часы на плите показывали четыре утра. На столе ждал чай — а еще рожок сливочного, и ложечка приготовлена. Габриэль указал на него рукой и сказал:

— Кошмары надо заедать мороженым. Семейная традиция.

— Действительно?

— Ну да.

Элиза попыталась представить такой способ борьбы с кошмарами в ее собственной семье, но не преуспела. Слишком яркий контраст.

Она потянулась к рожку:

— Спасибо.

Минуту молча жевала, потом глотнула чая, с напряжением ожидая вопросов, которые сейчас на нее посыплются.

Что же такое тебе привиделось, Элиза?

Ведь если ты не признаешься, как же я смогу тебе помочь?

Что с тобой творится, Элиза?

Все это она уже проходила.

— Тебе наверняка приснился Морган Тот, — сказал Габриэль. — Такой... с пухлыми губками?

Нет, пожалуй, подобного она еще не слышала. Элиза невольно засмеялась. Морган Тот, ее вечный соперник и заклятый враг, и губы у него... действительно... Впору присниться кошмару.

Однако к ее делам он не имеет ни малейшего отношения.

Она попросила:

— Давай о чем-нибудь другом. Не хочу об этом.

— Об «этом»? — переспросил Габриэль, весь такой простодушный.

— Серьезно, правда.

— Ну, ладно.

Еще немного мороженого. Еще немного молчания. Повисшие в воздухе незадаанные вопросы.

— В детстве мне тоже снились кошмары, — сказал Габриэль. — Целый год. Часто. Вся семья жила как на пороховой бочке. Я боялся засыпать. Чего только не делал. Даже пробовал кого-то задобрить. Обещал отдать любимые игрушки, лакомства. Однажды якобы предлагал взамен себя родного брата. Я этого не помню, но он клянется.

— Кому отдать?

— *Им.* Которые из снов.

Им.

Вспышка надежды. Идиотской надежды.

У Элизы тоже имелись *они*. Разумом она понимала, что это всего лишь порождения ее мозга, не существующие вне его пределов. Однако, приходя в себя после кошмара, трудно сохранять рассудительность.

Все же она переспросила:

— *Им?*

И испугалась собственного вопроса. Ведь если она не хочет обсуждать свои проблемы, не стоит совать нос в чужие. Уж это-то правило она усвоила давно: не спрашивай, и тебя не спросят.

Габриэль пожал плечами:

— Чудовищам.

Он произнес это таким тоном, что Элиза сразу потеряла интерес. Те, кто упоминал о чудовищах так отстраненно, явно никогда не сталкивались с персонажами из ее снов.

— Ты убегаешь, а тебя преследуют. Такое многим снится.

Элиза прихлебывала чай, заедала ночной кошмар мороженым, кивала в нужных местах, но не особенно вслушивалась в то, что говорит Габриэль. Все написанное по данной теме она проштудировала давным-давно. Не помогало раньше — не поможет и теперь.

— Кошмары — отражение наших подсознательных страхов. Время от времени случается с каждым.

Габриэль подвел итог размеренным, ровным тоном, словно ментор, разъясняющий ученику сложную задачу.

Ей очень хотелось сказать: *«Точно. И буквально каждому в семилетнем возрасте ставят кардиостимулятор, поскольку «отражение подсознательных страхов» спровоцировало сердечную аритмию. Сплошь и рядом»*. Однако она промолчала: слишком это напоминало бы перемывание косточек на вечеринке:

— *Говорят, что Элизе Джонс в семь лет поставили кардиостимулятор, — так ее замучили ночные кошмары, слышали?*

— *Правда, что ли? С ума сойти!*

Она спросила:

— И что с твоими чудовищами? Чем дело кончилось?

— О, они переключились на моего брата, а меня оставили в покое. В Михайлов день я подношу им жертвенного агнца — небольшая плата за спокойный сон, верно?

Элиза засмеялась:

— И где же ты берешь этих... агнцев?

— Есть такая ферма в Мэриленде. Сертифицированные животные для жертвоприношений. Козлята. Или ягнята, по желанию клиента.

— А почему в Михайлов день?

— А почему нет?

Элиза на мгновение ощутила теплую волну признательности: Габриэль не пытался залезть ей в душу, а мороженое, чай и даже раздражающая «научная» болтовня облегчали выход из кошмара. Она засмеялась — засмеялась не притворно, на самом деле.

И тут на столе завибрировал ее сотовый.

Кому она понадобилась в четыре утра? Элиза протянула руку за телефоном...

...увидела номер на экране и уронила аппарат — или просто отбросила? Телефон ударился о шкаф и полетел на пол. Секунду она надеялась, что разбила его. Аппарат лежал на полу и молчал. Мертвый?

А потом снова зажужжал.

Жалела ли она когда-нибудь раньше, что не сумела разгрохать собственный телефон?

Это же просто номер. Просто цифры. Даже не имя. Имя не высветилось, поскольку Элиза не вносила его в память сим-карты. И, пока не увидела этот номер на экране, даже не осознавала, что все еще помнит его. Как будто он сопровождал ее в течение всей жизни после... после побега. Внутренности немедленно скрутило спазмом. Точно как прежде. Ничего не изменилось, ничего.

Габриэль наклонился за телефоном.

Она чуть не крикнула: не прикасайся! Бессмысленно. Когда Габриэль протянул ей аппарат, она не пошевелилась, и он просто положил телефон на стол. Тот по-прежнему вибрировал. Ей звонили.

Элиза смотрела на экран остановившимся взглядом. Как ее нашли? Она поменяла имя. Исчезла. Или они не теряли беглянку из виду ни на мгновение и все это время просто наблюдали? Эта мысль привела ее в ужас. Неужели годы свободы были просто иллюзией?

Жужжание прекратилось. Включился автоответчик, и сердце вновь застучало как бешеное: кровь дикими толчками летела по жилам. Кто это? Сестра? Один из «дядюшек»?

Мать?

Кто бы ни был. Если они оставят голосовое сообщение, осмелится ли она его прослушать? Мысль едва успела мелькнуть в голове, когда телефон издал другой сигнал: пришла эсэмэска.

«Включи телевизор».

Что?

Элиза растерянно моргнула. При чем здесь телевизор? Зачем его включать? У нее и телевизора нет!

Габриэль внимательно ее разглядывал. И тут раздался первый вопль. Элиза подскочила, едва не опрокинув стул. Откуда-то с улицы донесся долгий, неразборчивый вой. Или это в доме? Слишком громко. Точно, в здании. Вот еще. Что творится, черт возьми? Кричат люди... Шок? Радость? Страх?

А затем затрезвонил телефон Габриэля, а на телефон Элизы пришла целая серия сообщений: жжж, жжж, жжж, жжж. От друзей, включая Таджа, который находился сейчас в Лондоне, от Кэтрин, которая была в южноафриканской экспедиции. Текст был разным, но все сообщения сводились к одному: включи ТВ.

Ты смотришь?

Проснись. ТВ. Немедленно.

Все сообщения, кроме одного, последнего. Прочтя его, Элиза захотела свернуться в позе эмбриона и отключиться.

Возвращайся домой. Мы тебя прощаем.

ПРИШЕСТВИЕ

Среди бела дня, в пятницу, в небе над Узбекистаном. Первый раз их заметили в Самарканде, древнем городе, расположенном на древнем Шелковом пути. Там съемочной группе агентства новостей удалось сделать первые снимки пришельцев.

Ангелы.

Ряд за рядом, фаланга за фалангой — легко пересчитать. Безупречный строй, двадцать отрядов по пятьдесят ангелов в каждом: тысяча. Они летели на запад, порой так низко над землей, что стоящие на крышах и вдоль дорог люди видели, как колышутся на ветру знамена белого шелка, и слышали струнный перебор арф.

Арфы.

Свидетельства очевидцев поступали отовсюду. По всему миру телеканалы останавливали вещание и давали один экстренный выпуск за другим. Что-то кричали в микрофоны комментаторы. Страх, ожидание неизвестного. Широко распахнутые глаза, высокие нервные голоса. Повсюду начинали трезвонить телефоны — а затем умолкали: сотовые сети не выдерживали нагрузки и выходили из строя. Наружу выбирались все подавленные страхи и фобии. Интернет сбоил. На улицах происходило столпотворение. Стоял крик, голоса заглушали и заглушались. Тут и там дрались. Пели. Бились в истерике.

Умирали.

Впрочем, рождались тоже. Младенцы, появившиеся на свет во время Пришествия, получили прозвище «херувимчики», по меткому высказыванию одного радиокomentатора. Он же запустил слух, что все эти малыши имеют на теле метку в форме перышка. Слух оказался лживым, но каждого младенца теперь тщательно осматривали, ища любой намек на благословение или магическую силу. В единственный день — девятого августа — время расщепилось на «до» и «после», и никому уже не суждено было забыть, где он находился, когда началось «это».

Казимир Андраско, актер, «призрак», «вампир» и бездельник, проспал весь переполох, но впоследствии клялся, что проводил время за чтением Ницше. И будто бы в самый момент Пришествия его настигло видение о конце света. Бестолковое, суматошное нагромождение вранья и уловок, попытка основать новый культ — впрочем, все закончилось быстро и печально.

Зузану Новакову и Миколаса Вавру событие застало в Айт-Бен-Хадду, знаменитой марокканской крепости-касбе. Мик только закончил торговаться о приобретении античного серебряного кольца (возможно, античного; возможно, серебряного, но точно кольца), когда его внимание привлек внезапный шум. Он сунул кольцо глубоко в карман, где тому предстояло неизвестно сколько ожидать своего часа.

В деревенской едальне они из-за спин возбужденных местных обитателей послушали новости на арабском. Ни комментариев, ни причитаний окружающих не поняли, но у них двоих было знание, позволяющее разобраться в ситуации. Они представляли, кто такие ангелы, или, точнее, кем те не являются. Правда, от этого было не легче.

Небо. И крылья.

Так много!

Шок.

Именно Зузана подала мысль «прихватить» фургончик, стоящий у туристического ресторана. Ткань реальности и обыденности к тому времени растянулась настолько, что угон автомобиля уже не воспринимался как нечто недопу-

стимое. Проще простого: ведь у Кэроу нет доступа к мировым новостям. А ее непременно нужно предупредить. Если бы потребовалось, Зузана украла бы и вертолет.

Эстер ван де Влут, почтенная торговка алмазами, давний партнер Бримстоуна и «липовая» бабушка его человеческой подопечной, выгуливала мастифов около своего дома в Антверпене, когда на колокольне Собора Богородицы ударил набат. Истерически, громко, безостановочно. Эстер, к истерии не склонная, ожидала новых событий с того момента, когда на двери дома в Брюсселе появился черный выжженный отпечаток руки. Придя к выводу, что началось именно то самое, она решительным шагом отправилась домой, и ее псы, огромные как львы, бежали справа и слева от нее.

Элиза Джонс несколько минут смотрела на экран ноутбука. Потом сервер вышибло и связь прекратилась. Они торопливо оделись, сели в автомобиль Габриэля и помчались в музей. Несмотря на несусветную рань, многие коллеги уже были на месте, а остальные подъезжали друг за другом. Все теснились у экрана большого телевизора в лаборатории на цокольном этаже.

Смотрели — и не верили собственным глазам. Трюк? Фейк? Ведь если эти ангелы настоящие — что за бред! — должны же они хоть немного отличаться от картинок из учебника для воскресной школы?

Воплощенное совершенство. Как в кино.

— Еще и арфы, — сказал палеобиолог. — Ну, перебор же!

Они стояли и смотрели, напряженные, растерянные... Версия трюка с каждой минутой расплзалась по швам: репортеры, осмелев, подбирались к пришельцам все ближе, изображение становилось все четче, сомнений оставалось все меньше.

Ученым оставалось только поверить в то, в чем никто не смел признаться даже самому себе: там и впрямь были ангелы!

Их крылья. Почти четыре метра в размахе; каждое перо — как отдельный язычок пламени. Они плавно подни-

мались и опускались, управляя полетом с невообразимой грацией, — никакие самые передовые технологии не смогли бы это смоделировать.

— Может, все-таки постановка? — предположил Габриэль. — Компьютерная графика. Радиопьеса «Война миров» на современный лад.

Раздались перешептывания, но, похоже, никто в это уже не верил.

Элиза молча наблюдала. Ее собственный страх имел совсем другую природу, нежели у коллег; он был более... проработанным. С этим страхом она жила всю жизнь.

Ангелы.

Ангелы. После инцидента в Праге, на Карловом мосту, она, по крайней мере, могла позволить себе скепсис, просто чтобы удержаться в здравом уме. Ту историю можно было счесть трюком, подделкой: три ангела, были и сплыли, не оставив никаких осязаемых доказательств своего существования.

Сейчас происходило иное: казалось, весь мир замер, затаив дыхание. И она тоже. Вот же они, ангелы.

Элиза подумала о своем телефоне, сознательно забытом дома. Интересно, сколько еще сообщений пришло за это время? И еще она подумала о неодолимой темной силе, от которой убегала, спасаясь, в ночном сновидении. Кишки скрутило спазмом: под ногами заходили ходуном деревянные плашки, перекрывающие зыбучие пески подсознания. Прошлое всегда таилось в глубине ее мозга, оно никуда не уходило, и вся ее теперешняя жизнь была построена на утлой опоре, ютилась, словно жалкие хижинки на склоне действующего вулкана.

НЕ ТОМУ УЧИЛИСЬ

Пришествие. Три часа спустя

— Ангелы! Ангелы! Ангелы! — кричала Зузана.

Она выскочила из фургона, едва дождавшись, когда тот остановится. Впереди высился «Замок чудовищ»: здесь, в марокканской пустыне, армия бунтовщиков из другого мира тайно воскрешала своих мертвых. Глинобитная стена, змеи, зловоние, гигантские твари, солдаты той самой армии, яма, полная трупов. Именно из этих развалин они с Миком сбежали глухой ночью. Невидимые. По настойчивому требованию Кэроу.

По очень настойчивому требованию.

Ведь в опасности была их жизнь.

И вот теперь они вернулись, сигналият и громко вопят. Инстинкт самосохранения? Да ладно!

В небе над касбой показалась Кэроу: она парила в воздухе, изящная, как балерина в невесомости. Зузана рванула вверх по склону, а подруга бросилась ей навстречу.

Зузана перевела дыхание и выпалила главную новость:

— Ангелы! Дьявол побери, Кэроу. В небе. Сотни. Сотни. По всему миру. С ума сойти!

Слова сыпались, как горох. Не прекращая говорить, Зузана разглядывала подругу. Всмотрелась — и отпрянула.

Что за дьявольщина?!

Хлопнула дверца машины; через минуту появился Мик. Тоже посмотрел на Кэроу. Не произнес ни слова.

Они все теперь молчали: молчание было похоже на пузырь для речи в комиксах. Место есть, а слов нет.

Кэроу... Распухшее багровое лицо ободрано и покрыто коростой. Потрескавшиеся разбитые губы, растянутая рваная мочка уха.

Рукава натянуты на кисти рук, их край зажат в кулаках. Станный, детский жест. Неловкий, будто каждое движение причиняет боль.

Она была изуродована до потери человеческого облика. И этому существовало всего одно объяснение.

Белый Волк. Мерзавец.

Зузану накрыла ярость.

А затем она его увидела. Он спускался по холму вместе с множеством химер, встревоженных их безумным появлением. Зузана сжала кулаки. Сделала шаг ему навстречу, готовая встать между Тяго и Кэроу, — но Мик ее удержал.

— Куда ты лезешь? — прошипел он, ухватив Зузану за руку и развернув к себе. — С ума съехала? У тебя появилось жало, как у взаправдашней скорпионики?

«Скорпиониха-мегера» — ее прозвище на языке химер, любезное изобретение солдата Вирко. Так у них в мире Эрец называли бесстрашных самок, и хотя Зузана ни за что не призналась бы даже самой себе, Мик был прав. Она все-таки больше мегера, чем скорпионики, в лучшем случае скорпион наполовину, и совсем не так опасна, как хотела бы думать.

В тот момент она и решила: я из шкуры вылезу, но «наполовину» больше не будет. Хм. Это если мы здесь не умрем. Поскольку... черт! Столько химер, и все смотрят на нее с одинаковым выражением. Вся скорпионья храбрость Зузаны сжалась в одну точку где-то в районе сердца. Рука Мика на плече успокаивала и поддерживала; хотя Зузана вовсе не питала иллюзий, будто нежный скрипач-виртуоз защищает ее лучше, чем на это способна она сама.

— Не тому мы с тобой учились, — сказала она негромко.

— Знаю. Почему мы не самураи?

— Ну, давай станем самураями, — ответила она.

Кэроу сделала успокаивающий жест: